

Ирина Кадочникова

<Без темы>

Ижевск 2017

УДК 821.161.1

ББК 84 (2)

К 13

К66 **Кадочникова Ирина.** Без темы. Стихи. – Ижевск:
Алкид, 2017. – 104 с.

ISBN 978-5-9908437-6-9

Ирина Кадочникова родилась в 1987 г. в городе Камбарке. Окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета. Кандидат филологических наук. Занимается научной и преподавательской деятельностью. В 2015 году вышла ее первая книга стихов – «Единственный полюс».

УДК 821.161.1

ББК 84 (2)

ISBN 978-5-9908437-6-9

© И. Кадочникова, 2017

© Издательство «Алкид», 2017

* * *

Когда ты вроде бы сказал все то,
Что мог сказать – и городу, и миру,
Косноязычно, просто, «от» и «до» –
Про всех сказать: и милых, и немилых.

Когда ты пуст, как будто чистый лист,
Ничем не тронутый, ничем не замутненный,
Остановись и заново родись –
Взгляни на этот мир непобежденный.

Вот эта жизнь, в которой ты горишь:
Весна. Любовь. Просроченные сроки.
Больная на всю голову эпоха.
Непредсказуемость хрущевских наших крыш.

Знакомые, сказавшие «гуд бай»
Стране, под чьим бессмертно-красным флагом
Мы выросли. В растаявшем овраге
Бомжары отмечают первомай.

И все плывет куда-то – города,
И улицы, и старые названья...
И множатся твои воспоминанья,
С бессонницей срастаясь навсегда.

<Без темы >

И ты стоишь – в скрещенье мировых
Событий, никому не постижимых.
И всякий ангел пролетает мимо
Двухтысячных-смертельных-роковых.

Не говори, что нечего сказать.

16 мая 2015

* * *

Прости меня. Холодная вода
Все унесет, и больше никогда
Не будем мы – счастливые, как прежде,
Бродить по городу в немыслимой надежде,
Что беспощадная река времен
Помилует нас все-таки с тобою,
Не причинит невыносимой боли,
Когда из множества земных имен
Я выберу одно – твое, простое,
Соленое, упрямое, как горе.

Прости меня. Все улицы давно
Знакомы нам, как старое кино,
Заучена почти что наизусть
Их городская-заводская грусть,
И даже через миллионы лет
Мы будем помнить их вечерний свет.

Вот здесь по Пушкинской, наверное, раз двести –
Да что там! – тысячу – с тобою вместе
Мы проходили, и никто из нас
Не думал об изменчивости глаз,
О том, что одиночество и время
Случаются не сразу, но со всеми,
О том, что у всего свой ритм и век,

Что умирает каждый человек
Не сам в себе, но (как сказать в стихах?) –
На наших чисто вымытых руках.

И если совесть – это тоже Бог,
То как один из нас когда-то смог
Другого бы оставить и уйти,
Не оглянуться, не сказать «прости»?
И как назвать все то, что с нами ныне? –
Одна лишь бесконечная гордыня.

Но я прошу, прости – за эти дни,
За эти крылья, черные-большие,
За то, что мы сейчас совсем чужие...

Как все это понять и объяснить?

18 мая 2015

* * *

Здравствуй, мое королевство,
Вечное нищее царство!
Можно, я буду как в детстве, –
Буду всему удивляться:

Веснам твоим и зимам,
Первой траве в овраге?..
Все это невыразимо,
Даже хочется плакать.

Синий-блаженный-зеленый
Мир между Камой и Камой.
Я до сих пор в нем ребенок,
Бегаю за облаками.

Что бы там ни было, Боже,
Небо не выбирают...
Две у меня похожих
Родины. Два рая.

1 июня 2015

* * *

Люди пишут друг другу электронные письма, в которых
Говорят о погоде, цейтноте, дурацкой работе.
Говорят, суета заела, – и все в этом роде.
И менты тормозят на каждом втором повороте.

Люди пишут о том, что не жизнь, а сплошная скука,
Что хотелось бы бросить все да рвануть бы в Питер.
Люди пишут друг другу ВКонтакте и на Фейсбуке,
В Одноклассниках пишут, в Твиттере, если хотите.

В никуда отправляют свои наболевшие мысли.
Люди пишут не очень искусство, но все-таки внятно.
Люди пишут друг другу такие простые письма,
На простом языке, любому ежу понятном, –

О работе, цейтноте, дурацком дождливом лете
И о том, что цены выросли невозможно,
Что путевку в садик не дали и, значит, в декрете
Целый год еще кантоваться, если не больше.

Люди пишут о том, что случилось совсем внезапно:
Дядя Петя помер, у Машки поехала крыша.
Люди пишут. Они еще верят в счастливое завтра.
Они очень хотят, чтобы, Господи, Ты их услышал.

1 июля 2015

* * *

Проснуться с ощущением пустоты.
Подумать: как же все-таки херово:
Как будто ты уже совсем не ты,
Как будто нет тебя – того, другого,

Счастливого, открытого всему,
В цветных очках, украденных у детства,
Тебя, живущего не по уму,
А очень просто – по течению сердца,

Наивного такого дурачка –
С воздушным шариком, с фонариком бумажным,
Ребенка-несмышленка, светлячка
В тетрадке поселившего однажды.

...Когда тебя размажут по стене,
Когда по Пушкинской рванешь – и без оглядки,
Подумаешь: а ничего и нет
Спасительней, чем светлячок в тетрадке.

13 июля 2015

* * *

Открой окно, а там уже весна.
Мир замер в ожидании потопа.
К чему тебе холодная Европа
И узкоглазая восточная страна,

Когда ты здесь, угрюмый человек,
То чудом грезящий преображенья,
То ненавидящий свое же отраженье,
И самый первый, и последний снег;

Когда ты здесь, на этих площадях –
Дворцовых, красных, людных и пустынных –
Глотаешь с воздухом такой постыдный,
Такой животный и ничтожный страх

Пред миром, захлебнувшимся весной,
Глядящимся в невиданные лужи.
А ты здесь ни при чем уже давно
И – более того – совсем не нужен.

Ты грезишь о далеких поездах
(На самом деле - с тем же тайным страхом).
И если этот город пахнет прахом,
То, значит, время – твой жестокий враг.

< Без темы >

Тогда убей, иного не дано,
Свою надежду, полную подачек,
Ведь ничего не может быть иначе.
Ведь все уже давно предрешено.

4 августа 2016

* * *

Писать, короче, надоело
На элегический манер.
Заняться бы каким-то делом –
Пойти в портные, например,

А лучше – в дворники: до ночи
Мести отчаянной метлой
И думать: мир хоть и не очень,
Но все же не совсем плохой:

Немного грубый, в меру грязный,
Слегка похожий на сортир,
А уберешь – и как-то сразу
Такой приличный Божий мир,

И ты в нем – тоже ничего так:
Стоишь себе под нос метешь
И, в общем-то, на идиота
Как будто даже не похож.

5 августа 2015

* * *

Вода – мечта каждого мера.
Смерть от воды для мера – бессмертие.

Из фильма «Овсянки»

Я хотела бы жить в глубине холодной реки
И смотреть со дна, как черные рыбаки
Золотое счастье ловят в отцовские сети –
Неумные, грязные, радостные, как дети.

Надо мной ходуном ходила бы синь-вода,
Приносила бы сны, которые никогда
Не приходят к тем, кто остался там, наверху, –
Разве что младенцу, ангелу, пастуху.

И на створке раковины размером с большую блесну
Я писала б о том, как народ мой рубил сосну,
Чтобы плыть по реке, и древние песни его
Божий дух перевел на бессмертный язык волн.

6 августа 2015

* * *

Опустеет воздух, и выпадет первый снег.
Оборвется ноябрь на какой-то случайной ноте.
Человек умирает, потому что он – человек,
Потому что его создавали из крови и плоти,

А совсем не из глины, каменеющей на глазах,
Не из мягкой древесной трухи, пахнущей лесом.
Человек умирает – остается последний страх,
И о чем этот страх, одному только Богу известно.

И какие бы песни ни пел ты, когда по земле
Так беспечно идешь, забывая про вечность и Хронос,
Где-то там высоко, в невозможной космической мгле,
Мировой океан пустоты стирает твой голос.

9 сентября 2015

* * *

В городе осень – лиственнно и красиво.
Как-нибудь взять – и просто бы стать счастливым,
Легче бы стать, плюнуть на все и сразу
Да и пойти по улицам самым разным –

Горького, Пушкинской, Ленина, Льва Толстого,
Слушая Цоя или кого другого,
Можно и Шевчука – про родину нашу.
Стать бы совсем безымянным, свободным,
бесстрашным,

Ветреным путником, праздным таким имяреком.
Просто бы выйти – задолго до первого снега –
И обрести одиночество и блаженство
В самом конце сентября, под небом Ижевска.

26 сентября 2015

* * *

Ты знаешь, я думаю, время не виновато.
Не виновата эпоха. Не виновата страна.
Облака проплывают. Облака похожи на вату.
У облаков – разные имена.

Вот облако Лена, а вот и облако Настя.
А вот Михаил – не забудет свой первый бой,
Ставший последним. Ему было тогда восемнадцать.
Черное небо стояло над головой.

А это облако – мама чья-то, Людмила.
А это облако – папа чей-то, Андрей.
Столько людей-облаков над нами проплыло –
Разных таких, неведомых кораблей.

Вот это Максим – умер от рака мозга:
Сорок лет, карьера, сын поступил в институт.
Тоже стал облаком – вроде как ближе к звездам,
Но все еще ждет повестку на Страшный суд.

Облако Саша и рядом с ним облако Таня.
Оба – от старости просто, ни что-нибудь.
Все облаками станут и над городами -
Материками – продолжат свой млечный путь.

< Без темы >

Люди твои облака твои проплывают.

Мир – с высоты посмотришь – он детский такой.

Бабушки Нина с Мариной и тетя Валя.

Помаши им рукой. Помаши им сейчас рукой.

5 октября 2015

* * *

Осень. Любимое время. Оно наступило
В этом году чуть раньше, чем обыкновенно.
Город бесцветный: снег и твои чернила.
Выглядит – словно рентгеновский снимок вселенной.

Рельсы. Деревья. Столбы. Заводские трубы.
Окна, откуда сквозит синева мониторов.
Мы целовались – холодно, но в губы.
Снизу на нас рушился целый город,

Сыпались небоскребы и автомобили,
Памятники – Ленину и Люциферу –
И разрывали – до состоянья пыли –
Прочную, крепко сшитую атмосферу.

10 октября 2015

* * *

Открой окно, пожалуйста, открой –
В огромный мир, трехмерный и пустой,
Где плавают холодные созвездья
В немыслимой свободной высоте,
И облака, и небоскребы те,
И деревья, застывшие над бездной
Какой-нибудь безвременной реки,
И черные, как точки, рыбаки,
И чайки, словно галочки в тетради,
И рыбы – всякие там караси,
И странная селедка иваси,
И Бог весть что еще. И Бога ради
И ради Слова, ради этой вот
Строки, которую который год
Мучительно – из глубины дрожащей
Души, как раковину достаю
Со дна морского, как любовь твою,
Открой окно, верни мне настоящий,
Трехмерный, бледный, грязный и большой,
Великий мир, где слишком хорошо
Дышать, смотреть, совсем не вспоминая
Вот эту комнату, где мертвый свет,
Где мы вдвоем, но нас как будто нет,
Где вечное молчанье между нами.

12 октября 2015

* * *

Бесконечность берез и осин.
Время первого снегопада.
Хорошо, если в поле один:
Понимаешь весь мир с полувзгляда.

Одноцветный пейзаж за окном.
День как вечер: темно и дождливо.
Говоришь сам с собой ни о чем
На родном языке торопливом.

Едешь – словно не помнишь, куда.
Выйдешь – на остановке знакомой,
И намокшие провода
Пропоют тебе: «Вот ты и дома».

25 октября 2015

* * *

Когда случится с нами невесомость –
на несколько секунд, и канделябры
вдруг поплывут по воздуху, и Космос
таким единым станет (я не знаю,
как это описать); когда созвездья,
планеты, спутники и нашу Землю
мы будем видеть как со стороны –
все вместе и отдельно в то же время,
из глубины совсем другой вселенной,
со дна невыразимой тишины,
ты скажешь мне, что вот оно – бессмертье,
Господь и Бах, и с ними Брейгель Старший,
в зеленом небе вечность и весна,
и я увижу, как знакомые предметы
иные обретают очертанья,
иные обретают имена.

10 декабря 2015

* * *

Очень странное время года: почти январь,
А на улицу выйдешь – ну чем не стихи Пастернака? –
И дороги мокнут, и в небе сквозит синева,
И огромное солнце тает на дне оврага.

Я спускаюсь туда по лестнице – еле живой.
Надо мной проплывает недавно построенный город.
Я обычный земной человек, у меня ничего –
Ничего за душой, кроме наших с тобой разговоров.

Я стою на мосту, и жизнь подо мною течет –
Перемешана с потом, окуркам, грязию, бензином...
Скоро Новый год. Очень скоро уже Новый год.
Не пиши мне, пожалуйста: это невыносимо.

13 декабря 2015

* * *

Быть бы другим человеком.
Жить бы у самого моря.
Картинки писать акварелью.
Часами смотреть на зарю.

Читать вавилонский эпос.
Носить простую одежду.
Махать руками с причала
Каждому кораблю.

В обед подниматься в горы.
Сидеть на отвесных склонах.
Слушать цикад беспечных.
Лежать на зеленой земле.

Вечером думать о смерти,
О счастье, о синем небе,
О Млечном пути, который
В космической тает мгле.

Стать невозможно легким –
Легче, чем ветер в июне.
Венки вязать да букеты.
Возделывать розовый сад.

Не знать ничего о жизни –
Ну чем не *tabula rasa*?..
Не открывать глаза бы.
Не возвращаться назад.

* * *

Однажды ты выйдешь из комы,
Просто вернешься на круги –
В хаос, до боли знакомый,
В последнюю зимнюю вьюгу,

Увидишь (а как иначе?)
И даже, может, услышишь:
Космос не стал прозрачней,
Но все-таки стал выше,

Что в принципе странно, послушай,
Поскольку, по крайней мере,
И Карфаген твой разрушен,
И рай навсегда потерян,

И в сердце твоём – не песня,
А черная рана сплошная.
Но ты обретешь равновесье
И снова себя узнаешь,

И будешь смотреть удивленно,
Пока не сыграешь в ящик,
На мир, такой обновленный,
Стоящий и настоящий.

17 декабря 2015

* * *

Пиши стихи, отправляй их куда-нибудь –
В далекое плаванье, в дивную Гиперборею.
Письма в бутылках – может быть, их путь
Будет куда длинней твоего и светлее.

Может быть, их найдет через тысячу лет
(Письма в бутылках, проверено, не истлевают)
Греческий бог по имени Кифаред
Или Гомер какой-нибудь небывалый.

Пиши стихи, не думая, как и что,
Кто их прочтет, кому это все интересно.
Пусть их накроет самый смертельный шторм,
Пусть они выдержат самую черную бездну,

Всякие камни подводные, лезвия льдин.
Письма в бутылках – не трогайте их до срока:
Путь их бесцелен, поскольку неисповедим,
Да и неведом вообще никому, кроме Бога.

29 декабря 2015

* * *

Мама заходит в детское отделение.
Вот ординаторская, а вот – приемный покой.
У мамы сегодня хорошее настроение:
Я наконец-то приехала домой.

Мама моя занимается важным делом:
(это совсем не то что стишки строчить).
Маму мою любят вообще все дети:
Она умеет их как-то небожно лечить.

Носит подарки им, даже мою одежду –
Платья, какие-то юбки (девятый класс!)
Мама моя, некрещеная, конечно,
Но ведь Господь знает о каждом из нас.

Столько ведь в мире брошенных, не виноватых.
Кто вот за эту слезинку несет ответ?
Мама всю жизнь проходила в белом халате.
Белый – мой самый-самый любимый цвет!

29 декабря 2015

* * *

Нарисую деревья – высокие, до облаков.
Нарисую снег и на нем – световые пятна.
Ничего от нас не осталось, кроме стихов, –
Невозможно прекрасных, каких-то невероятных.

Мы настолько прозрачные в них, что если смотреть,
Слишком больно глазам – как будто глядишь
на солнце.

Говорят, что мир возрождается в январе.
Я поверю в это: другого не остается.

30 декабря 2015

* * *

«Не иди вовне, иди вовнутрь самого себя»

Августин Блаженный

В синем море плавает дивная рыба-кит,
На огромной спине носит земной шар.
Тут такое дело: внутри у меня болит,
Где-то около сердца. Там, говорят, душа.

Прихожу я к Богу. Он машет рукой: «Ерунда.
Ну, развейся, куда-нибудь съезди – хотя бы в Москву,
Там всегда красиво, да разные города
В это время года прекрасны. Вот сколько живу

Очень редко вижу нормальных счастливых людей:
То в глазах мировая скорбь, то еще чего.
Все бы вам выдумывать всякую дребедень
Про себя и ныть, что нет у вас никого.

Начитались вы книжек: куда ни копни, уже
И диагноз готов – по Фрейду, еще по кому...
А вот так заглянешь, что у вас там в душе –
Ничего не найдешь, одну лишь галимую тьму.

<Без темы >

В общем, так, послушай: вот тебе мой совет:
Закрывай глаза – и смотри в себя, и смотри,
До тех пор смотри, пока не увидишь свет –
В глубине своей, где-то совсем внутри».

1 января 2016

* * *

Вот если смотреть с точки зренья обратной
На мир перспективы, не все так уж плохо:
Любовь, между прочим, весьма вероятна,
И даже не очень трагична эпоха.

Когда ты себе – и Орфей, и Овидий,
То как-то не страшно, что нефть дорожает,
Что Турция, блин, исчезает из вида
И что Украина теперь нам чужая.

Все это политика. Наша работа –
Писать против смерти. Когда-нибудь все же
Мы встретимся снова, и ты мои ноты
Сыграешь на память, и я твои тоже –

В ином измеренье. Мы больше не будем
Разменивать жизнь (ведь и так не по двадцать)
На глупое бегство от собственной сути.
Мы больше не будем с тобой расставаться.

2 января 2016

Балаки*

Садисься в автобус – и едешь в забытую Богом,
Последнюю глушь – в какой-то медвежий угол.
Безлюдная местность и выглядит слишком убого.
И нет у тебя здесь ни отчего дома, ни друга.

Но в сердце твоём – навсегда центробежная сила:
Такой парадокс. И видишь, пока не стемнело,
Что церковь старообрядческая красива
На фоне снегов – первозданных, немыслимо белых.

4 января 2016

Рождественская звезда

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу –
Голосованьем!

А. Галич

Шестое января. Цитаты.
Виденья будущей поры.
По этой местности когда-то
Шли пастухи, несли дары.

Все точно как у Пастернака:
Поля. Ограды. Зимний лес.
Когда он умирал от раны,
Христос воистину воскрес.

Мир весь распахан был словами,
И Бог, казалось, ни при чем.
И над весенними холмами
Горели звезды горячо.

5 января 2016

* * *

Плывут снега, за ними – чьи-то души.
Над городом и миром – только снег.
Плывут снега. И небосвод разрушен,
Поскольку до основ разрушен век.

Плывут снега. Я зашиваю раны.
Я сам себе нарколог и хирург.
Вот в недрах символистского романа
Совсем по-волчьи воет Петербург,

А мы здесь, в этой глухомани редкой,
Укрытые Бог весть каким старьем
От жадной жизни, щедрой на объедки, –
Мы никогда, наверно, не умрем –

Не знаю. Это неуместно, может, –
Мои слова про свет и рождество.
Но если Ты – Господь, скажи мне все же,
Что не случится с нами ничего.

6 января 2016

* * *

Все куда-то едут – хотя бы туда, где больше
Фонарей, людей, да просто архитектуры:
Кто-то едет в Питер, а кто и подальше – в Польшу,
На работу, на ПМЖ, в двухнедельные туры.

Весь Ижевск уезжает в Москву, а Москва – в Дубаи,
На Гоа, на Бали (хочется ближе к югу).
Самолеты, хребты высокие огибая,
У Бермудского треугольника жмутся друг к другу.

Скоро здесь людей останется очень мало:
Ну, один человек на один километр квадратный.
Знаешь, родина-мать, ты лучше бы нас не рожала:
Вряд ли кто-то вообще захочет вернуться обратно.

Пусть на севере слишком сумрачная погода,
Но на поезд в Хельсинки проданы все билеты.
Это просто глобализация или мода:
Все куда-то едут. А я никуда не еду.

Я пишу на деревню дедушке длинные письма,
И осенние звезды падают мне за ворот.
У меня в голове – вечнозеленые мысли.
Надо мной проплывает никем не видимый город.

8 января 2016

* * *

Запрячь высокие звезды в рукав
И небо сверни в трубу.
Ты думаешь, хаос всегда неправ?
Спроси об этом Судьбу.

Ведь столько никем не прожитых лет
Пылится в космической мгле.
Упрямый, дрожащий, нетающий свет
Стелется по земле.

Ты пьешь его медленно, по глотку,
Оглядываясь иногда.
Вот кто-то же есть над нами, вверху? –
Вряд ли там пустота.

И, стоя на площади, всем ветрам
Открытый, – безумец в пальто,
Ты смотришь на этот вот тартарарам
И любишь его как никто.

21 января 2016

* * *

Вспоминаются птицы вещие, синекрылые,
Паутинки никем не виданных фораминифер.
Я все больше дружу с монитором, все меньше –
с чернилами,
Что, конечно, не отменяет музыку сфер.

На работе – такое дело – тоска зеленая:
Нескончаемая бумажная маета.
Представляешь, мне снились ангелы удивленные:
Мне так часто снится всякая ерунда.

Посмотрю в окно – двory везде одинаковы:
Кирпичи, какие-то доски, мусорный бак.
Почитать бы про лимитизм Каллистрата Жакова* –
Впрочем, я и сама ведь знаю, что все не так,

Как придумали метафизики: столько ненужного.
Где там правда, а где неправда – поди разбери.
Я рисую на А4 одни окружности.
Я рисую окружности. И – ничего внутри.

22 января 2016

* * *

Воду и огонь смешаешь, землю и воздух,
Словно по рецепту Анаксимандра*.
Выдохнешь сомненье – вдохнешь Космос,
Пропоешь любимую свою мантру.

Скажешь: «Все течет, и в одну реку
Не войти дважды, не расшить рану».
Имена раздашь – дереву, человеку,
Полуострову, городу, океану.

27 января 2016

* * *

И все-таки бывают дни,
Когда совсем невыносимо
(Считай: хреново), и они
Как внутренняя Хиросима.

Не то чтоб я бездарно жил
Весь этот век, всю эту вечность,
А просто не хватило сил,
И слов – обычных, человеческих.

И ты меня не узнаешь
И, отвернувшись, безразлично
Глядишь на долгий-долгий дождь,
Уже почти круглогодичный.

2 февраля 2016

* * *

Когда-нибудь иное измеренье
Свою всевыносящую воронку
Откроет нам – изломанным и бранным,
И мы шагнем туда – легко и звонко, –

В другую музыку, в чакону Баха,
В непобедимый Космос быстротечный.
Я говорю – и без упрека и без страха:
«Прости меня. Прощай. До вечной встречи».

8 февраля 2016

* * *

Наступает час, когда все магазины закрыты,
Все трамваи в депо, все тротуары измяты.
Я иду по нашему городу, совершенно убитый –
Непонятно чем – словом чужим или взглядом.

Я сегодня проснулся и понял, что я не гений
Семи пядей во лбу, никакой я не Заратустра:
Я обычный простой человек, и моих сомнений
Хватит, чтобы заполнить большое речное русло.

А вокруг – никого, и молчит остывающий транспорт.
И на женском лице луны я читаю вопросы.
Хорошо так идти – воскресать в тишине пространства,
Прорастая земными мыслями прямо в звезды.

И зима чернеет, и город кадром из клипа,
И на вывеске светится только начальное – «НЕВРО».
Эпидемия, говорят, какого-то гриппа,
Дальше – все по списку: инфляция, рост евро,

Украина, Сирия, Третья мировая
(Что уж там сочинять: она давно проиграна нами).
Хорошо так идти – не кривя душой, не скрывая
Ничего от себя и других, говорить с домами,

<Без темы >

Фонарями, тенями, собаками. В самом деле –
Понимаешь: уже никогда не вернуться обратно.
Хорошо так идти – вроде без всякой цели,
Все равно идти – по дороге своей канатной.

8 февраля 2016

* * *

Зимние метельные тревоги.
Синеокий ангел на пороге.
Жизнь – маршрутка, скорая, каталка.
Господи, и горестно, и жалко,
Что вот так – не испытал любви –
Возвратиться в тишину земли,
Прахом обернуться и синичкой,
Росчерком неуловимой спички
По небесной августовской тверди,
Слишком много знающей о смерти.

Но ведь мне Тобой зачем-то дан
Этот мир – соленый океан,
Млечный путь от сентября до мая
(Это все я тоже принимаю).

Это все – обветренная площадь,
Город, узнаваемый на ощупь,
Северное кладбище, Карлутка,
Остановка у кафе «Минутка»,
Запах чебуреков и спиртного,
Металлург, овраг на Родниковой,
Пушкинской вечерние огни...

Ангел, я прошу, повремени.

16 февраля 2016

* * *

Александру Вавилову

Это все тебе, я пишу это все тебе.
И тревожно внутри, и в себя никак не приду.
Мое счастье земное в какой-то небесной трубе –
Значит, все же возможно, я это имею в виду.

А тебя просвистали свердловские сквозняки
И больничные фильтры перемололи давно.
Я вот думала, что умею писать стихи,
А сейчас поняла: слава Господу, не дано.

Ведь когда умираешь всерьез каждый день,
каждый час,
Всякой нотой своей противостоишь пустоте.
Ведь, наверно, Христос очень мало кого бы спас,
Если б слезы мира не выплакал на кресте.

А у нас в Удмуртии – аж до апреля снег.
А у вас на Урале – так он не тает вообще.
И не сходит лед с российских небыстрых рек,
И абсурден и неизменен порядок вещей,

Потому что у песни ангела тоже есть
Та обратная сторона, о которой молчат.

<Без темы >

И твои слова начинаются где-то не здесь –
Здесь они разве что сливаются в звукоряд.

Оттого и гудят коридоры на сто голосов,
Поезда, и палаты, и лифты, и весь Урал.
Он-то знает, что гороскоп твой давно готов:
Он ведь сам его так старательно выверял.

20 февраля 2016

* * *

Вот и весна наступает. На остановках
Ангелы по утрам рисуют гуашью.
Все это нам дается для тренировки
Зренья и мужества: снег четырехэтажный,
Черные сны о фиг-поймешь-какой жизни,
Климат (похоже, теперь навсегда аномальный).
Так и поймаешь себя на свербящей мысли:
Вроде бы, человек ты вполне нормальный,
Вроде, весьма приличный: не злой, не добрый
(Больше, конечно, хороший, чем нехороший),
Самый что ни на есть человекоподобный:
Что-то вот терпишь, что-то терпеть не можешь,
Где-то косячишь, где-то все делаешь в сроки,
Любишь-не любишь, кому-то завидуешь даже,
Изредка ходишь на йогу и в караоке,
Что-то умеешь руками – допустим, вяжешь.
Если играешь в игры, то до победной:
Разве отступишь, коли ввязался в драку?
Может, не спец в искусстве, но худо-бедно
Моцарта все-таки отличишь от Баха.
В общем, нормальный, ничем не хуже другого.
Сам по себе, но о людях не думаешь плохо.
Только вот, блин, весна, а тебе хреново.
Очень хреново. Хочется даже сдохнуть!

2 марта 2016

* * *

Выходя из нечестной игры, узнавая вкус
Пустоты и соли, освоишь на «раз» и «два»
Алкогольную оптику, суицидальный дискурс
И другие – уже на грани цензуры – слова.

А потом полюбишь часами смотреть в потолок.
А потом полюбишь не видеть вообще ничего.
В этом доме когда-то жил всепрощающий Бог,
А теперь этот дом разрушен, и нет того,

Кто бы спас, пожалел, помиловал, полюбил,
Развенчал бы миф про неизгладимый след.
И тебе остается лишь темнота чернил
И равнение на метафизический свет.

Значит, время пришло привыкать к монологу руин,
Все держать в себе (не по Фрейдю, конечно, но
Тоже способ). И если забудешься в поле один,
То уже не страшно, то как-то уже все равно.

6 марта 2016

* * *

Вот и делай все не так, как хотят
От тебя другие – живи один,
Понимай Бога на собственный лад,
Будь пронзительней песни родных осин,

Выходи навстречу семи ветрам,
Разговаривай с солнцем о смысле небес
И не думай даже, что где-то там
Может быть намного лучше, чем здесь.

Не горюй о ране, не плачь о дожде,
Не печалься о жизни, глядя в окно.
Знай, что каждый день – твой последний день
И что все дороги тебя все равно

Приведут к самому себе, ибо сам
Ты и есть свой странноприимный дом –
Рукотворный дворец, расхристанный храм,
Вертоград, перевернутый вверх дном.

7 марта 2016

Спиноза. Херем*

Ты бы думал о чуде да о насущном хлебе,
А теперь привыкай последним быть человеком.
Да сотрет Адонай имя твое под небом,
Да предаст его злу, отделив навсегда, навеки

От колен Израиля, вкупе с небесной карой,
Как написано в книге законов и сказано Богом,
Ибо быть не может иначе и, видимо, даром
Открывались тебе двери любой синагоги.

Пусть никто никогда не согреет тебя взглядом,
И не встанет рядом, и под одной крышей
Не уснет с тобой, не назовет тебя братом,
Пусть никто никогда на Земле тебя не услышит.

Это я говорю, рабби Саул Мортейра:
Будь ты проклят, и будь тебе хуже, чем даже Гоморре,
И гори ты в геенне огненной, в адской сере.
Это я говорю, потому что так сказано в Торе.

Это я говорю, рабби Саул великий.
И пока Божий мир не исчезнет до вечной пустыни,
Пусть никто никогда не откроет твои книги.
И да будет истинно так и присно и ныне.

8 марта 2016

* * *

И поезда гудят протяжно,
И перспектива неясна.
Все больше думаешь о страшном,
Когда вокруг шумит весна.

И вот, размахивая шторы,
От первых жмуришься лучей
И сам в себя глядишься, чтобы
Понять сокрытый смысл вещей,

С тобой происходящих, будто
Случайных, странных, никаких.
И ты перебираешь буквы,
И по течению реки

Плывешь, и пишешь по течению,
Но вдруг – со скоростью звезды –
Тебя последний, невечерний
Накроет свет из темноты.

22 марта 2016

* * *

Ну что же, заводи шарманку
Легко, мучительно и звонко,
Пока весь мир справляет пьянку
И крутит у виска вдогонку

Тебе, законченному психу,
Придурку с вещевого рынка.
Ну что ж, давай светло и лихо
Затягивай свою волынку,

Зуди про милость и про совесть,
Про власть пространства над душою,
Раскачиваясь в невесомость
Потока млечного, большого,

Сквозного, горнего. И если
Тебя убьют, на третьи сутки
Не оживешь и не воскреснешь,
Но все ж дуди в хромую дудку

О вечности в одно касанье,
О белых днях и черных дырах
И заполняй своим дыханьем
Досадные прорехи мира.

23 марта 2016

* * *

Здравствуй, ветер, хоронящийся в траву.
Прогуляли мы с тобою всю Москву.
Просидели над кладбищенским прудом.
Новодевичье нам стало как дом.

Что ты, ветер, так упрямо скулишь?
Над Москвой плывет вечерняя тишь.
Понимаешь, у стены монастыря
Тень осталась – и моя, и не моя.

Понимаешь, отражаюсь я в воде,
Но как будто нет меня нигде.
И звонит царь-колокол по мне,
И лучи мелькают в глубине.

26 марта 2016

* * *

В супермаркетах – возня и кутерьма,
Покупатели толпятся у витрин.
У Писателя сегодня первомай,
Он за шкаликом идет в магазин.

А в кармане-то – всего-ничего,
Да и дома – настоящий дурдом:
Вот Жена уже не терпит его,
И беседует Писатель с Котом.

Эх, Писатель! Никому он не пример.
Даже Черт ему, похоже, не брат.
Вот он грезит о гармонии сфер,
Безработный алкоголик, психопат.

Что ж, Писатель, за страна у нас говно?
Скоро пенсию отменяют, кажись.
Скоро станет нам уже все равно –
Лишь бы шкалики звенели за жись.

12 апреля 2016

* * *

Вышел месяц из тумана – погулять.
Вынул ножик из кармана своего.
Хорошо, когда тебе двадцать пять,
Но и тридцать – это тоже ничего.

Оттого ты так влюблено глядишь
На осенний нескончаемый дождь,
Одиночество свое сторожишь
И не знаешь, до чего доживешь.

21 апреля 2016

* * *

Я сидел на обочине, видел, как падает снег,
Как подростки пробуют водку за гаражами,
Как бездомные кошки помойку делят с бомжами.
Я сидел на обочине, и мой внутренний человек –

Удивленный, счастливый, потерянный, никакой –
Говорил сам с собой на языке сомнений.
Время шло. Ходуном ходили деревья-тени.
Плыл куда-то город белой туманной рекой.

И дома, как будто огромные корабли,
Все в огнях Атлантиды, светились, чего-то ждали.
Я смотрел, как медленно исчезают детали,
Как стираются наши лица с лица земли,

Как проходит все – даже боязнь высоты,
Беспокойные сны и особенные приметы.
Остаются – в лучшем случае – силуэты.
Остаются лишь самые общие черты.

22 апреля 2016

* * *

Как мало нам, увы, как мало оставалось,
Когда уже совсем... Когда лицом к лицу...
И где-то желчь текла, а где-то просто жалось,
И вербы рассыпали горячую пыльцу.

Все ж хорошо лежать на самом дне колодца,
Чтоб звезды в глубине, как в лабиринте, шли.
И если боль твоя любовью не зовется,
То доверяй холмам и снам сырой земли.

Ты знаешь, никогда меня не будет больше –
Ни суеты моей, ни горестной тоски.
Пожалуйста, взорви сердечный твердый поршень,
Чтоб вылетели разом все строфы-мотыльки!

24 апреля 2016

* * *

В такой высокой солнечной траве,
Среди берез в негаснущей листве
Лежать – и с каждым вдохом неприметным
Свободным становиться и бессмертным.

Здесь эльфы жили много лет назад,
Возделывали свой тенистый сад.
Остались странные отверстия там и тут:
Возможно, духи в них теперь живут
И по ночам выходят, и весь лес
До самых поднимается небес.

Как хорошо не ведать ничего,
Что нарушает жизни торжество.
Гудят шмели, и сквозь подобье сна
Я слышу, как проходят времена
И как они сливаются в одно,
Друг в друге повторяясь все равно.

В каких мы отразимся зеркалах,
Никто не знает, потому что всяк,
Когда в себя глядится, лишь сомненье
Глухое видит – и теряет зренье.
И если я глаза вот-вот закрою,
Увижу вряд ли что-нибудь другое.

Но все-таки – на день, на час, на миг ли –
Спасибо, Господи, что мы вот здесь возникли –
В году двухтысячном, две тысячи шестом,
Две тысячи шестнадцатом – каком,
Неважно, – и остались на века
В зеленой памяти речного тростника.

25 апреля 2016

* * *

О чем поведает, сторукий Шива?
На этой вот земле, пока мы живы,
Все происходит будто бы впервые –
И раны кровоточат ножевые,
И душу комкаешь, как черновик,
И любишь, и стареешь каждый миг.

Возьми мои стихи себе на вырост.
Меня в них ничего уже не выдаст:
Меня в них нет. В них соль небес и моря
И птичьих стай дизезы и бемоли.
Наверное, они мне все приснились.
Как мы с тобою друг от друга отделились –
Невероятно, даже слишком страшно.
И падает в колодец день вчерашний,
Как драгоценная заветная монета
В глухую незапамятную Лету.

Но, вопреки закону вычитанья,
Я все же дорожу воспоминаньем,
Хотя черты становятся бледнее,
И мне теперь со стороны виднее,
И мне теперь не надо ничего,
И тишь-трава у дома моего.

13 мая 2016

* * *

Как ни страшишь века,
Если на все смотреть
Взглядом звезды и снега,
То нипочем и смерть.

Взять бы вот, раствориться,
Стать бы водой речной,
Звонкой невидимой птицей,
Радугой или сосной,

Яблоней у дороги,
Горстью сырой земли.
Вот и прошли все сроки,
Господи, вот и прошли.

Надо учиться терпенью,
Мужеству быть собой,
Внутреннему зренью,
Равенству с личной судьбой.

Так задержи дыханье,
Ибо прямо сейчас
Смотрит в тебя мирозданье
Сотней всевышних глаз.

26 мая 2016

* * *

Лежишь, бывает, медитируешь
До самых кончиков души.
А за окном – хрущевки сырые,
Россия, улица, бомжи.

И небо слезное-дождливое,
И мир так жалок и убог.
Вот Шива с Кришной – те счастливые,
А наш Господь – печальный бог.

Спасайся же стихотворением,
Держись за музыку, пока
По линии сопротивления
И по течению песка

Скользишь, по винтовой поверхности,
Сгорая в дым (но что с того?),
И, как солдат, пропавший без вести,
Лица не помнишь своего.

31 мая 2016

По Пармениду*

И мы шли по воде, и рыбы плыли над нами –
В золотой чешуе, хвостами касаясь вулканов,
И лесные птицы с прозрачными плавникам
Свой беспечный вершили путь в глубине океана.

И мы шли по воде, потому что мы все забыли –
Имена вещей, порядок причин и следствий,
Потому что внутри воды, кроме книжной пыли,
Было что-то еще – родом из самого детства,

Что-то звонкое, словно тайна калейдоскопа,
Словно раковина или древняя монета.
И мы шли по воде за тысячу лет до потопа,
А потом и после него еще многая лета.

И горели Гоморры, Содомы и Карфагены,
Вырастали из моря, горели, вновь вырастали.
И безвидна была земля в глубине Вселенной,
Существующей по закону огня и спирали.

И мы шли по воде, обретая иное зреньё,
Исчезая даже из собственного вида –
В сердцевине раковин, в длинные стебли растений,
В бытие, сотворенное кем-то по Пармениду.

7 июня 2016

* * *

Кто назовет, как звезды, имена?

В. Шихов

Однажды в городе – возможно, что в Ижевске, –
Привиделся мне Александр Невский.
На остановке я стоял, и был
Одиннадцатый час уже, и плыл
В неоновых огнях, как Атлантида,
Куда-то мир – то исчезал из вида,
То выплывал из мутных подворотен –
Обычный мир и, может быть, из сотен
Миров, какие навывдумывал Господь,
Отнюдь не самый безнадежный, хоть
Посмотришь так – безрадостный и нищий.
Но Бог для нас простых путей не ищет.

Висело в небе облако, и вот
Из облака возник Он, и идет
По воздуху, и ничего не говорит.
И свет стоит. И облако горит.

И вспомнил я те времена, когда
Я был землей, и черная орда,
Как черная река, как Ахерон,
Текла – и слышался со всех сторон

Вороний грай и твердый стук колес.
И были травы мокрыми от слез.

И ожили слова на языке –
Такие странные: Сарай-Берке,
Хаджи-Тархан, Тула-Буги, Улус* .
И долго я их пробовал на вкус,
И понимал (хоть стыдно признаваться),
Что все это лишь цепь ассоциаций.
И горизонт гудел едва-едва.
И нравились мне странные слова,
Поскольку не осталось ничего –
Одни слова – от времени того,
Одни лишь собственные имена,
И новая у нас уже война.

Устав от шумной жизни, наконец
Приеду в город я – возможно, в Городец*
И встану по течению реки,
И ветру раздарю свои стихи,
И столб увижу чудный световой,
Идущий в день – неведомо какой.

10 июня 2016

В лес

Ты надеваешь самый свой лучший наряд,
Лесом идешь, потому что бессмертен лес
И потому что две тысячи лет подряд
Не происходит в этом мире чудес –

Чтоб, например, разрешился чеченский вопрос
Или хотя бы сменился местный префект.
Так вот и ждешь каких-нибудь метаморфоз,
А получаешь один парниковый эффект.

Или бы взял – и исчез колорадский зверь,
Вылетел весь куда-то за материк.
Ты вот как хочешь – верь мне или не верь,
Я ведь и сам стал уже чей-то двойник.

В зеркало гляну – вижу чужие глаза,
Что в них такое молчит – никак не пойму.
Так вот бывает – не «против» ты и не «за»,
Все по течению плывешь, доверяя ему.

Все по течению гребешь, баламутя ил,
Думаешь: как вот Христос – взял и воскрес?
Нет у тебя уже никаких сил.
Значит, настало время идти в лес.

Ибо в лесу Марья живет Краса,
Сумрачный Леший глядится в трухлявый пенёк.
Разные происходят там чудеса –
Самые невероятные. Каждый день.

15 июня 2016

* * *

В моем саду и тишь, и благодать –
Почти не слышно, как проходит время.
И мне себя осталось уравнивать
С деревьями и птицами – со всеми,

Кто смотрится в ручей, кто рад грозе,
Кто мир читает по Господним строфам
И, стоя на нейтральной полосе,
Все знает о грядущих катастрофах.

18 июня 2016

* * *

Читая стихи Сергея Ивкина

Есть такие вещи, к которым нельзя прикасаться
И смотреть на которые можно, только прищулив глаза,
А лучше закрыв их ладонями и в просвет меж пальцев
Подглядывая, когда и подглядывать, в сущности, нельзя.

Из таких вещей я знаю всего лишь несколько –
Влюбленные, сидящие напротив меня в маршрутке:
Они целуются, а ветер балуется темными занавесками –
В общей сложности выглядит все красиво
и почему-то жутко;

Чужие сны, похожие на облака и тени:
Время нанижет их на бельевую веревку,
Будет носить по свету, сделает из них привидения,
Осенние листья, черно-белые листовки;

И твои стихи, написанные в шаге от лета
В странном городе – на самом краю вселенной,
Где до неба намного ближе, чем до интернета,
И Воздух пахнет воздухом и морской пеной.

20 июня 2016

* * *

Не выходи из комнаты: станет хуже,
Ибо внутри безопаснее, чем снаружи,
Ибо внутри, расслабив тугие морщины,
Можно быть маленьким, детским и беззащитным.

Но все равно ты вернешься в открытый город.
Десять минут ходьбы до твоей конторы,
Несколько метров от выдоха до одышки.
Здравствуй, работа! – И снова ни дна, ни крыши.

25 июня 2016

* * *

Так происходит: лодка плывет по теченью.
Мир, превращенный в слова, обретает значенье.
В воздухе пахнет первой грозой и жасмином.
Если Ты спросишь меня, я отвечу длинной

Фразой – ну, что-нибудь вроде: Господи-Боже,
Нет ничего ведь этой травы дороже –
Всяких там лопухов, подорожников, диких
Роз и цикориев. Если б я был великим,
Если б я был всемогущим таким ребенком,
Сделал бы вечную молодость из фотопленки,
Сделал бы так, чтобы дети не превращались
В ангелов, чтобы влюбленные не расставались,
Чтобы никто никогда не видел войны
И наступала весна после весны.

Я написал это глупым таким языком,
Ветром, дождем – всем, с чем я был знаком,
Ибо, земную жизнь пройдя до конца,
Я что-то понял – в частности, что у лица
Времени только Твое выраженье,
Что неумна лодка в своем движенье,
Что меня нет, но я как будто везде –
В радуге, в облаке, в родниковой воде.

18 июля 2016

* * *

Возможно, это только лишь слова
Я пробую на вкус, но дважды два
Уже как будто даже не *Четыре*,
А *Человек* и *Роза* тех *ветров*,
Меня носивших от земли до облаков,
Пока я воздухом был в этом мире.
Пока дышали мной деревья и цветы,
И птицы, и чудовища-киты,
И жители Парижа и Пекина,
И все Евразия, смотрящая им в спину.

Сейчас мне снятся сны, как будто я
Над городом летаю, и земля
В моих глазах, узнавших труд полета,
Такой высокий обретает смысл,
Что хочется мне возвратиться вниз,
Быть вечным странником, упрямым пешеходом.

Меня послушай, сердце, не боли:
Покуда горизонт сквозит вдали,
Жить можно так, как подсказал Конфуций*
Или другой какой-нибудь мудрец:
Жить можно так, что, все изведав, наконец,
В себя вернуться или не вернуться.

25 июля 2016

Кама

Стрекозы, пчелы, бабочки, шмели.
Шум катера и долгий след парома.
Когда-то здесь все было по-другому,
И великаны поднимались из земли.

Остались лишь высокие холмы:
В них тайны всех имен они держали.
Ушла на дно история большая –
Не выпросишь ее у вечной тьмы.

Когда вернешься ты из млечной Киммерии
На родину великого Инмара,
Посмотришь на леса эти глухие,
Еще не тронутые августом-пожаром,

Услышишь песню рыболова-скифа,
Войдешь по пояс в медленную реку,
То вдруг почувствуешь себя героем мифа –
И первым, и последним человеком.

26 июля 2016

* * *

Пойти во сне на дальний свет –
С печальями своими всеми,
Увидеть, что тебя там нет –
И успокоиться на время,

Что можешь долго ты смотреть
На бабочек в глубинах сада
И небо понимать на треть,
Поскольку больше и не надо.

Зачем тебе больной язык
Предчувствий, горьких предсказаний,
Покуда не постиг азы
Такой вот жизни – как на грани,

Когда, растратившись в бою,
Устав теряться и сдаваться,
Уходишь в самую свою
Из пограничных ситуаций?

27 июля 2016

* * *

И тогда мы возьмем – и поедем с тобой
В тридевятое царство, где золотой
Небывалый город (читай: столица).
И на крышах ангелы и птицы.

А потом мы поедем туда, где всегда
Тишина и медленная вода,
Ничего не случается, и песок
Заполняет лакуны, что между строк.

А потом – как рыбы, ляжем на дно,
Ибо все преходяще и все равно.
И в глазах моих – серое вещество.
И в глазах твоих – ничего-ничего.

И сто лет проживем мы вот так - нигде.
Будут дети мальками играть в воде,
Строить замки из раковин и черепицы
И мечтать об ангелах и птицах.

3 августа 2016

* * *

Окна откроешь: и горы, и города,
И облака, свернутые в воронку.
Вот я лежу и слышу: где-то вода
Капельками выбивается из колонки.

Вот в древесине дома жук-короед
Путь пролагает медленный и глубокий.
Вот светлячок переходит на дальний свет,
Чтоб в мешанине ветвей разглядеть дорогу.

Вот собирается где-то в небе гроза.
Вот далеко под землей вздыхают вулканы.
Так происходит: едва закроешь глаза,
Слушаешь Космос – таинственный и странный.

Слушаешь, как шелестят беззаботные дни –
Книжками записными, черновиками,
И воскресает, сколько ни хорони,
Млечная музыка у тебя под ногами.

4 августа 2016

* * *

Читая стихи Аллы Кузнецовой

Не говори о счастье: все равно
Замерзнут розы, и отступит море,
И бабочки холодные в окно
В таком сквозном, мучительном миноре

Стучаться будут. Выйдешь ли к реке –
Но и вода не принесет покоя.
И будешь мыкать горе в узелке –
Соленое, бездонное такое.

25 августа 2016

* * *

Все в памяти твоей, как в драгоценном свитке, –
И милые поля, и горе-города.
Растаяли холмы – серебряные слитки,
Под снегом ожила Великая Вода.

Когда вот так идешь, то жмуришься от сини
И думаешь: пока все сроки не прошли,
За пазухой пробывать у Бога-Кылдысина,
У Господа-Христа, у Матери-Земли.

Ты до сих пор живешь, как будто вечно лето,
Как будто никогда никто не умирал.
И смотрит на тебя – глазами Керемета –
С полярной высоты
твой северный Урал.

31 августа 2016

* * *

Когда не пишется, то все тебе не так –
И сам не свой, и день плывет разбитый,
И небо рушится на каменные плиты,
Такой пустой выдерживая такт.

Верни же музыку, Господь, хоть что возьми –
Любое лето, верный свет в глазницах,
Поскольку мне уже не повториться,
Да и не встретиться
с прохожими
людьми.

8 сентября 2016

* * *

Как-то все попритихло, и ангелы стали умнее:
Не тревожит уже по ночам их рубашечный шорох.
Если в этой – пропахшей горечью –
жизни я ничего не сумею,
То какая, Господи, разница, посох я или порох?

Ниспошли мне побольше ветра, поменьше простора,
Чтобы я научился молитве – самой простой хотя бы.
Вот посмотришь направо – горюет баба Гоморра.
Вот посмотришь налево – горюет еще одна баба.

10 сентября 2016

* * *

Не поймешь ведь, хорошо ли, плохо.
Ну и ладно, скажешь, наплевать.
В этой поэтической эпохе
Я не знаю, как существовать.

Где-то жарят пирожки с морковкой,
Где-то учат шарфики вязать.
Вот иду я в среду на тусовку –
Просто так, от нечего сказать.

10 сентября 2016

море в ноябре

когда-то давно я мечтала
увидеть море
в ноябре:
птицы. пустынный пляж. остывший песок.
черно-белый прозрачный мир – как на гравюре.

чистота форм: каждый предмет
похож на самого себя:
дерево – на дерево, волна – на волну,
камень – на камень.

ощущение времени, которое остановилось,
и лишь лодка, уходящая далеко в туман,
возвращает к мыслям
о мучительной простоте жизни,
поскольку
если что-то и существует,
то оно **существует**,
ибо человек **может** об этом думать,
может переживать это как существующее.

я написала стихотворение:
птицы. пустынный пляж. медленная вода.
такой вот странный черно-белый пейзаж.
мир чистых эмоций,

где радость
есть радость.

я никогда не была на море в ноябре
и, наверное, никогда не буду,
но теперь все это неважно,
потому что я написала стихотворение.

речь не о том, хорошее оно или плохое, –
речь о том, **что** я увидела:
ровный неторопливый свет.
растворенное в воздухе солнце.
взгляд Вечности.

16 сентября 2016

* * *

Помню,
когда я была ребенком,
бабушка мне говорила,
что если долго-долго ходить по деревянной лестнице,
которая лежит на земле,
то можно дойти до солнца.

Сейчас,
когда жизни все меньше,
а работы все больше,
я чувствую себя так,
как будто хожу по деревянной лестнице,
которая лежит на земле.

Взрослые умные люди скажут мне,
что все это не имеет никакого смысла.
А я точно знаю,
что обязательно дойду до солнца.

19 сентября 2016

* * *

Чтобы понять,
насколько ты счастлив в этой жизни,
нужно совсем немного:

прозрачное осеннее утро,
билет на автобус «Ижевск – Камбарка»,
одиночное место у окна.

Дальше –
густая синева камского неба
и великое всеожжение мира –
кленов, берез, рябин.

Бесконечное высокое пространство,
всеобъемлющая благодарность твоего взгляда
и то странное, невыразимое чувство,
для которого нет слов

ни в русском языке,
ни в удмуртском,
ни в каком другом.

25 сентября 2016

* * *

Посидим, покурим – и ладно,
Дальше в путь как ни в чем не бывало.
Вроде, жизнь рифмуется складно:
Слева – лево, а справа – право.

Вроде, много еще кислорода.
Вроде, рано еще в аптеку.
Вроде, хватит еще работы,
Чтобы выплатить ипотеку.

21 сентября 2016

Ижевск – Екатеринбург

Ижевская горечь во рту, прудовская тоска,
Как будто все краски стерты с лица земли,
Как будто бы здесь начинается Лета-река,
И что ни фасады, то призраки-корабли.

И вот он тебе – такой неожиданный факт,
А в сущности, древний и очень знакомый сюжет:
Впадает удмуртская Лета в Сибирский тракт –
И даже момента случайности в этом нет.

И если октябрь, это значит, опять Урал,
Вечерние поезда, привокзальная грусть.
И чем же не лабиринт – Литературный квартал,
Где каждую трещину знаешь почти наизусть?

Где каждую осень читаешь себя между строк,
И хочется жить, и так хочется умереть.
И город уходит огнями в глубокий смог,
И тонет в открытом небе река Исеть.

1 октября 2016

* * *

Так вот и будешь бродить-колобродить, покуда
Миру не скажешь и городу «до свиданья».
Ну а пока – тебе в этой жизни за чудо
Осень в Коломне, Елабуге или Казани.

Словно бы звуков не существует, кроме
Лепета жаркой листвы на фоне пастели.
Ёкнуло птичье сердце в оконном проеме,
Но ничего не случилось на самом деле.

Только б гореть – пока не сгорела бумага.
Только б дышать – воздухом и стихами.
Только б смотреть, лежа на дне оврага,
Как города проплывают над городами.

Только бы жить – очарованно и упрямо,
Лодкой своей править, латать днище.
Где-то из черной земли поднялась Кама
И разлилась у Чертова городища.

Может быть, это все – и не праздник вовсе:
Разве что угол зренья, болезнь взгляда.
И накрывает тебя городская осень
Ветром, последними листьями, снегопадом.

2 ноября 2016

* * *

Всего начало ноября,
Но кажется – весна в разгаре,
И снег сжимается, горя
В нежданном солнечном ударе.

Я в деревянное окно
Смотрю: вот – чьи-то огороды,
Вот – черно-белое кино
Про жизнь простую, как природа,

Как сам ты, если без понтов,
Свободный от чужого взгляда, –
Шпыняешь мартовских котов,
Ругаешься отборным матом,

Букеты вяжешь да венки,
Плюешь на социальный статус –
На то, что, Боже мой, с таким
Бессмысленным трудом досталось.

Бывает, косишь под Басё*:
Мараешь чистые страницы...
Мне тридцать лет. Я знаю все,
Что так со мной и не случится.

5 ноября 2016

* * *

Когда толпится Божий свет в прожилках
Листвы, то знай (так говорит звезда):
Настало время собирать пожитки
И выходить из дома навсегда.

Быть странником – то облаком, то снегом,
Горчайшим воздухом немислимых утрат, –
По сути, тем же самым человеком,
Но лишь пронзительней себя в сто крат.

И музыку возделывать сквозную –
Ну чем не звуки лиры и трубы?
И ничего не думать про иную
Судьбу, поскольку нет иной судьбы.

Не называй себя ни Заратустрой,
Ни как-нибудь иначе, ибо свет
С таким невероятным рвется хрустом
Из тех пустот, которых даже нет,

И музыка, обрушившись на город,
Тебя находит – выстрелом в упор.
И ты теперь – и шов, что вечно вспорот,
И сам себе последний приговор.

19 ноября 2016

* * *

В раю, наверное, такая же зима,
Как и у нас, – и даже не теплее.
Пока еще не выжил из ума
И век тебя по-своему жалеет,

На самого себя со стороны
Смотри по-честному – открытым взглядом.
И если нет ни в чем твоей вины,
То почему ты ходишь виноватый?

Давно пробито днище корабля,
И дни плывут – как будто бы в тумане.
Война не кончится, не высохнет земля,
Но это не тебя смертельно ранят.

Но это не тебя убьют насквозь,
Не твой сломают удивленный голос,
Поскольку слишком много не сбылось
Всего того, что так в тебе боролось.

И стрелы опрокинутся дождем,
Пока стоишь, нелепо как-то мнешься.
И убежишься в городе своем,
И страха и стыда не оберешься.

И будет уличный пустопорожний свет
В твоих зрачках пульсировать тревогой.
Какой ты после этого поэт?
○ чем ты после этого, ей-Богу?

2 декабря 2016

* * *

Пойми меня, пожалуйста, пойми –
В тех городах – в Казани ли, в Перми,
В Челябинске ли, в Екатеринбурге,
В ижевском захолустном Металлурге,
Где я живу – на самом дне оврага –
И говорю с отсыревшей бумагой –
О чем-нибудь – о том вот и об этом,
Себя испытываю белым цветом,
Пишу в простую детскую тетрадь
Про свойство всех явлений – исчезать.

На дне оврага не видать ни зги,
И только шины – черные круги –
Плывут в осенней медленной воде,
Чтоб раствориться где-нибудь нигде
И не оставить больше ничего –
Лишь тень существованья своего.

Вот так и я – искатель, человек
Не много понимающий, однажды
Сойду не нет, как прошлогодний снег,
Как тот кораблик ли, фонарик ли бумажный,
Как всякий вздор, как тротуарный сор,
Как чей-то уличный случайный разговор.

Но ты меня – в краях высоких тех,
Плывущих над ижевским захолустьем,
Достань когда-нибудь со дна библиотек,
И прочитай – то с нежностью, то с грустью,
Поскольку был, в трубу свою трубил,
И умирал, и возрождался снова,
Ни сил последних не жалея, ни чернил,
Ни радости, ни времени земного.

16 октября 2016

* * *

Я на улицу выйду, я просто выйду
Посмотреть на зимний тартарарам,
Потому что легко исчезать из вида,
Если снег идет за тобой по пятам –

Бесконечный, радостный и нездешний,
Все мешая в небесное молоко.
И когда тебя ничего не держит,
Как-то слишком по-ветреному легко

Воскресать и снова дробиться на части,
Брать свое уныние на бордаж.
Может, это самое в жизни счастье –
Так бесследно вписываться в пейзаж,

Становиться никем – тополиным смехом,
Горизонтом, растущим сквозь этажи,
И, в конечном счете, – нездешним снегом,
Новогодним, невысказанным, большим.

4 декабря 2016

КОММЕНТАРИИ

Стр. 22. Балаки – село в Камбарском районе Удмуртской Республики.

Стр. 27. Каллистрат Фалелеевич Жаков (1866 – 1926) – коми этнограф, философ, просветитель и писатель, создатель философии лимитизма (limit – предел), которая стремилась синтезировать опыт всех религий, наук, искусств и, таким образом, претендовала на роль универсальной доктрины. Как писал К. Жаков, «лимитизм учит нас, что знание идет к пределу своему, т. е. к постижению сущности природы. Он же учит, что познание явлений невозможно без изучения непрерывного их изменения и что необходимо поэтому ввести понятие бесконечно-малого не только в физику или в астрономию, но и вообще в философию». Лимитизм исходил из тезисов об изначальной познаваемости мира, о Космосе как о воплощении идеи всеединства, о том, что все любое бытие стремится к выражению своих потенциалов до возможных пределов, после чего трансформируется в новое бытие.

Стр. 28. Анаксимандр Милетский – древнегреческий натурфилософ, живший в 6 в. до н.э. Анаксимандр назвал первоосновой мира апейрон – бесконечное, вечное, начало, которому присуще непрерывное дви-

жение; космогонический принцип. Апейрон – живой источник всех новообразований. Все многообразие вещей, все миры появились путем выделения из апейрона противоположностей (горячего, холодного, сухого и влажного) и их борьбы, в результате которой возникли стихии – земля, воздух, огонь, вода. Анаксимандр считал Вселенную подобной живому существу. Она рождается, достигает зрелости, стареет и должна погибнуть, чтобы возродиться вновь: «...совершается гибель миров, а намного раньше их рождение, причем испокон бесконечного веку повторяется по кругу всё одно и то же».

Стр. 37. Психологический сюжет, развернутый с стихотворении, основан на интерпретации биографии Б. Спинозы, представленной в романе современного американского психотерапевта И. Ялома «Проблема Спинозы».

Бенедикт Спиноза (рожд. Барух Спиноза; 1632-1677) – голландский философ еврейского происхождения. В 1656 г. еврейская община обвинила Спинозу в ереси и объявила ему херем (полное исключение из общины). Причиной стала не только критические высказывания Спинозы в адрес иудаизма, но и «неортодоксальные» (пантеистические) взгляды философа.

Саул Мортейра – имя рабби, озвучившего херем.

Стр. 49. Парменид – древнегреческий философ, живший в 6 в. до н.э. Парменид разрабатывал теорию бытия. Его основные тезисы – «бытие есть, а небытия нет», «бытие вечно, пребывает на одном и том же месте», «бытие есть чистое настоящее», «бытие неподвижно, однородно, совершенно и ограничено; имеет форму шара».

Стр. 50. Сарай-Берке, Хаджи-Тархан, Тула-Буги, Улус – имена ордынских ханов.

Городец – город в Нижегородской области, место смерти Александра Невского (1263 г).

Стр. 56. Конфуций – мыслитель и философ Древнего Китая, живший в 6-5 вв. до н.э. В стихотворении имеется в виду центральная в китайской философии идея дао, согласно которой предназначение человека — пройти свой путь, осуществить свое дао. Китайский философ 6-5 вв. Лао Цзы в трактате «Дао Дэ Цзин» писал о том, что если человек движим страстью, то он далёк от своего истинного пути. Любая привязанность к земному создаёт условия, в которых человек начинает служить не себе, а конкретным вещам.

Стр. 72. Мацуо Басё (1644 – 1694) – японский поэт, теоретик стиха.

СОДЕРЖАНИЕ

«Когда ты, вроде бы, сказал все то....»	5
«Прости меня. Холодная вода...»	7
«Здравствуй, мое королевство...»	9
«Люди пишут друг другу электронные письма, в которых...»	10
«Проснуться с ощущением пустоты...»	11
«Открой окно, а там уже весна...»	12
«Писать, короче, надоело...»	14
«Я хотела бы жить в глубине холодной реки...»	15
«Опустеет воздух, и выпадет первый снег...»	16
«В городе осень – лиственно и красиво...»	17
«Ты знаешь, я думаю, время не виновато...»	18
«Осень. Любимое время. Оно наступило...»	20
«Открой окно, пожалуйста, открой...»	21
«Бесконечность берез и осин...»	22
«Когда случится с нами невесомость...»	23
«Очень странное время года: почти январь...»	24
«Быть бы другим человеком...»	25
«Однажды ты выйдешь из комы...»	26

«Снова зима знакомыми ранит пейзажами...»	27
«Пиши стихи, отправляй их куда-нибудь...»	28
«Мама заходит в детское отделение...»	29
«Нарисую деревья – высокие, до облаков...»	30
«В синем море плавает дивная рыба-кит...»	31
«Вот если смотреть с точки зренья обратной...»	33
Балаки	34
Рождественская звезда	35
«Плывут снега, за ними – чьи-то души...»	36
«Все куда-то едут – хотя бы туда, где больше...»	37
«Запрячь высокие звезды в рукав...»	38
«Вспоминаются птицы вещие, синекрылые...»	39
«Воду и огонь смешаешь, землю и воздух...»	40
«И все-таки бывают дни...»	41
«Когда-нибудь иное измеренье...»	42
«Наступает час, когда все магазины закрыты...»	43
«Зимние метельные тревоги...»	45
«Это все тебе, я пишу это все тебе...»	46
«Вот и весна наступает. На остановках...»	48
«Выходя из нечестной игры, узнавая вкус...»	49
«Вот и делай все не так, как хотят...»	50
Спиноза. Херем	51
«И поезда гудят протяжно...»	52
«Ну что же, заводи шарманку...»	53
«Здравствуй, ветер, хоронящийся в траву...»	54
«В супермаркетах – возня и кутерьма...»	55
«Вышел месяц из тумана – погулять...»	56

«Я сидел на обочине, видел, как падает снег...»	57
«Как мало нам, увы, как мало оставалось...»	58
«В такой высокой солнечной траве...»	59
«О чем поведаешь, сторукий Шива?..»	61
«Как ни страшись века...»	62
«Лежишь, бывает, медитируешь...».	63
По Пармениду	64
«Однажды в городе – возможно, что в Ижевске...» . .	65
В лес	67
«В моем саду и тишь, и благодать...»	69
«Есть такие вещи, к которым нельзя прикасаться...». .	70
«Не выходи из комнаты: станет хуже...»	71
«Так происходит: лодка плывет по теченью...»	72
«Возможно, это только лишь слова...»	73
Кама	74
«Пойти во сне на дальний свет...»	75
«И тогда мы возьмем – и поедем с тобой...»	76
«Окна откроешь: и горы, и города...»	77
«Не говори о счастье: все равно...»	78
«Все в памяти твоей, как в драгоценном свитке...» . . .	79
«Когда не пишется, то все тебе не так...»	80
«Как-то все попритихло, и ангелы стали умнее...»	81
«Не поймешь ведь, хорошо ли, плохо...»	82
море в ноябре	82
«Помню, когда я была ребенком...»	85
«Чтобы понять...»	86
«Посидим, покурим – и ладно...»	87

< Без темы >

Ижевск – Екатеринбург	88
«Так вот и будешь бродить-колобродить, покуда...» . . .	89
«Всего начало ноября...»	90
«Когда толпится Божий свет в прожилках...»	91
«В раю, наверное, такая же зима...»	92
«Пойми меня, пожалуйста, пойми...»	94
«Я на улицу выйду, я просто выйду...».	96
<i>Комментарии</i>	<i>97</i>

ИРИНА КАДОЧНИКОВА

<БЕЗ ТЕМЫ>

Стихи

Верстка и оригинал-макет *А. Зеленина*

Фотография *А. Жуков*

Подписано в печать 25.01.2017.

Гарнитура OgenburgС. Тираж 100 экз.

Издательство «Алкид»

426000, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 9а

www.alkid-book.ru

vk.com/alkid_book

ISBN 978-5-9908437-6-9

9 785990 843769